

Д-ръ А. Е. Янишевскій.

Герой разсказа
Леонида Андреева
„МЫСЛЬ“

съ точки зрѣнія врача-психіатра.

(Публичная лекція, читанная въ актовомъ залѣ Казанскаго Университета 12 апрѣля 1903 г. въ пользу пансіоната Общества взаимопомощи сельскихъ и городскихъ учителей и учительницъ).

КАЗАНЬ.

Типо - литографія Императорскаго Университета.
1903.

Печатано по опредѣленію Общества невропатологовъ и психіатровъ
при Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ.

За предсѣдателя Н. Миславскій.

М. И.

Психіатрія, или, точнѣе, психопатологія въ ряду другихъ спеціальныхъ наукъ занимаетъ обособленное положеніе. Имѣя своею задачей изученіе отклоненій отъ извѣстной нормы въ проявленіяхъ человѣческаго духа, она черпаетъ себѣ матеріалъ изъ анализа чрезвычайно разнообразныхъ явленій, составляющихъ предметъ изученія весьма многихъ отраслей знанія.

Подходя къ тому или другому факту не съ простымъ предвзятымъ убѣжденіемъ, а имѣя въ рукахъ данныя, которыя въ своихъ выводахъ даетъ наука, психіатръ въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ всего скорѣе дать ключъ къ правильному пониманію того, что для многихъ составляетъ загадку.

Подробно изучая то или другое явленіе частной или общественной жизни, психіатръ можетъ подмѣтить здѣсь отпечатокъ особаго состоянія, которое слѣдуетъ отнести къ области патологіи.

И это касается не только явленій очень простыхъ, гдѣ уродливыя, ненормальныя черты выступаютъ съ большою рѣзкостью, доступной пониманію даже не специалистовъ, но и явленій весьма сложныхъ, относящихся къ богато развитой психической жизни, гдѣ патологическіе признаки могутъ обрисовываться только въ видѣ тонкихъ, едва замѣтныхъ линій.

Въ этомъ стремленіи подчинить своей компетенціи все большую область въ явленіяхъ психической жизни психіатрія

имѣть свои основанія. Она учитъ, что провести пограничную черту между психическимъ здоровьемъ и душевнымъ заболѣваніемъ нѣтъ никакой возможности. Нельзя установить никакого предѣла, который могъ бы считаться нормой, ни въ сферѣ ума, ни въ сферѣ воли, ни въ сферѣ нравственности. Подобная норма есть фикція. Въ дѣйствительной жизни мы можемъ встрѣчаться только съ явленіями, которыя лежатъ по ту или другую сторону ея, и мы считаемъ нормальнымъ то, что лежитъ выше этой воображаемой пограничной черты и патологической то, что лежитъ ниже ея.

Но и при такомъ разграниченіи мы, сравнивая между собою патологическія и нормальныя явленія, видимъ, что между ними находится полное тождество въ томъ смыслѣ, что элементы, входящіе въ психическую жизнь нормальныхъ и душевно-больныхъ людей, остаются одни и тѣ же. Душевно-больные также обладаютъ умомъ, чувствомъ и волею, какъ и душевно-здоровые. И всѣ тѣ измѣненія, которыя наблюдаются въ душевной сферѣ больныхъ, имѣютъ полную аналогію въ соответствующихъ состояніяхъ душевно-здоровыхъ. Болѣзненно-мрачное, меланхолическое состояніе ничѣмъ по виду не отличается отъ обычнаго грустнаго настроенія, болѣзненно-веселое, маниакальное состояніе соответствуютъ обычному веселому настроенію, состояніе безсмыслія соответствуетъ тому состоянію, въ которое можетъ впасть нормальный человѣкъ потрясенный какимъ-нибудь несчастіемъ и т. д.

Глубокая разница однако будетъ заключаться въ томъ, что тѣ состоянія, которыя наблюдаются при извѣстныхъ условіяхъ у душевно-здоровыхъ, никогда не отличаются такой продолжительностью, какъ у душевно-больныхъ, а кромѣ того у послѣднихъ они выступаютъ съ особенной яркостью, рельефностью и, возникая въ той или другой сферѣ, охватываютъ собою душевную дѣятельность во всей ея совокупности, рѣзко вліяя на всю психическую личность.

Вотъ въ этой то рѣзкости проявленія и вліяніи на психическую личность, въ которой невозможно становится узнать того человѣка, какимъ онъ былъ до заболѣванія, и заключается существеннѣйшій признакъ для опредѣленія развитія болѣзни.

Но гораздо болѣшія затрудненія для опредѣленія болѣзненнаго явленія будутъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ уже отъ природы представляетъ патологическія уклоненія. Въ этомъ случаѣ уже не приходится сравнивать его личность, которую мы имѣемъ передъ собой теперь, съ личностью, бывшею прежде. Здѣсь остается брать наблюдаемое явленіе, какъ оно есть, и сравнивать съ извѣстной нормой, которую уже приходится устанавливать въ этомъ случаѣ сообразно съ данной эпохой и данной культурой той среды, въ которой происходитъ наблюденіе. Для тѣхъ случаевъ, гдѣ уклоненія отъ этой нормы очень рѣзки (случаи идиотизма и кретинизма) тамъ опредѣленіе патологической натуры очень просто. Но тамъ, гдѣ разбираемый типъ весьма близко приближается къ нормальному типу, а въ нѣкоторыхъ своихъ чертахъ и превосходитъ норму, тамъ распознаваніе представляется очень труднымъ, а подчасъ невозможнымъ и для опытнаго спеціалиста.

Находясь какъ разъ на границѣ душевнаго здоровья и психической болѣзни, подобнаго рода типы наблюдаются обыкновенно не въ стѣнахъ психіатрическихъ лечебницъ, а въ обыденной жизни и составляютъ здѣсь явленіе далеко не рѣдкое.

При этихъ условіяхъ они невольнымъ образомъ попадаютъ и въ художественную литературу, разъ она черпаетъ матеріалъ изъ живой дѣйствительности.

Я не считаю себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе вопроса, должны-ли патологическія явленія составлять предметъ художественнаго творчества, но я долженъ только отмѣтить, что во многихъ типахъ, данныхъ намъ литературой, можно указать болѣзненные черты.

И писатель, создавая подобный типъ, можетъ и не имѣть тенденціи изобразить болѣзнь. Онъ, можетъ быть, и не подозрѣваетъ болѣзненныхъ чертъ въ тѣхъ явленіяхъ, которыя беретъ сюжетомъ своихъ произведеній, тѣмъ не менѣе съ помощью своей наблюдательности и художественнаго чутья обрисовывиваетъ съ поразительной тонкостью всѣ ихъ детали.

Благодаря этимъ условіямъ, создаются типы, носящіе всѣ черты жизненныхъ героевъ, а не составляющіе уродливый продуктъ фантазіи художника.

Болѣзненные типы можно встрѣтить въ художественныхъ произведеніяхъ весьма многихъ народовъ. Они отразились въ трагедіяхъ Эсхила и Софокла, нашли геніальное олицетвореніе въ произведеніяхъ Шекспира и съ особенной рѣзкостью выступили въ литературѣ новѣйшихъ временъ.

Нѣкоторые писатели настолько типично изобразили опредѣленные патологическія явленія, что послѣднія въ специальной литературѣ даже получили термины отъ ихъ имени. Такъ въ психіатріи извѣстны состоянія, относящіяся къ извращеніямъ полового чувства, названныя *Садизмомъ* и *Мазохизмомъ*, по имени французскаго романиста Маркиза де Сада и галицкаго писателя Захеръ-Мазоха.

Русская литература въ созданіи болѣзненныхъ типовъ не составляетъ исключенія. Въ этомъ отношеніи она занимаетъ даже выдающееся положеніе, благодаря таланту такого художника, какъ Достоевскій. Давно уже отмѣчено, что этотъ геніальный писатель возсоздалъ въ своихъ произведеніяхъ настолько вѣрное изображеніе больныхъ душою людей, что всякій психологъ можетъ черпать у него богатый матеріалъ для изученія.

Писатели, всецѣло поглотившіе собою литературные интересы современнаго русскаго общества,—Максимъ Горькій и Леонидъ Андреевъ являются въ этомъ отношеніи продолжателями своего великаго предшественника.

Тотъ и другой писатель ставятъ цѣлью изображеніе типовъ, выброшенныхъ за бортъ общественной жизни, искалѣченныхъ судьбою, погибающихъ подъ вліяніемъ окружающихъ условій. Въ большинствѣ случаевъ эти люди по самой своей природѣ не въ состояніи бороться съ тѣми обстоятельствами, въ которыя они поставлены.

Мальва, Коноваловъ, Оома Гордѣвъ и масса другихъ героевъ Горькаго носятъ ясныя слѣды, которые отмѣчаютъ ихъ психическую неустойчивость, свидѣтельствующую о такъ называемой дегенераціи.

Но изображая дегенеративныхъ субъектовъ, Максимъ Горькій стремится отыскать въ своихъ падшихъ герояхъ лучшія черты и, указывая на нихъ, взываетъ о милости и состраданіи. Въ такой своей тенденціи нѣсколько грѣша, можетъ быть, противъ того, что намъ даетъ психіатрическая наука, напримѣръ, по отношенію къ наслѣдственнымъ алкоголикамъ, онъ силою своего таланта выдвигаетъ художественную правду, заставляя вѣрить въ возможность существованія высоконравственныхъ чертъ и у лицъ, рѣзко отягченныхъ алкогольной дегенераціей.

Въ этомъ отношеніи Леонидъ Андреевъ лишенъ подобной тенденціозности. Онъ эпически спокойно срываетъ покровъ съ язвъ общественной жизни, во всей наготѣ обнаруживаетъ самыя уродливыя, отвратительныя, отталкивающія явленія, нисколько не стремясь примирить читателя со своими героями. Давая весьма вѣрное и точное въ мельчайшихъ подробностяхъ описаніе извѣстнаго образа, онъ оставляетъ читателя въ недоумѣніи, какъ отнестись къ подобнымъ типамъ.

Такіе типы выведены въ его небольшихъ разсказахъ „Молчаніе“, „Бездна“, „Въ туманѣ“, но съ особенной яркостью очерчены въ разсказѣ „Мысль“.

По отношенію къ герою этого разсказа доктора Керженцева приходится встрѣчаться съ чрезвычайно разнообразными мнѣніями при выясненіи его личности и значенія въ литературѣ. Авторъ своимъ способомъ веденія разсказа ставитъ

читателя въ затрудненіе—видѣть-ли въ Керженцевѣ просто сумасшедшаго или наоборотъ человѣка, одареннаго качествами, которыми онъ возвышается надъ общимъ уровнемъ, человѣка, въ которому не приложима обычная мѣрка и которому позволено многое, что недоступно обыкновеннымъ смертнымъ.

Такого рода дилемма возможна потому, что сама психіатрическая наука, не давая опредѣленной грани между душевнымъ здоровьемъ и болѣзною, ступенчуетъ различіе также между геніальностью и сумасшествіемъ. Она учитъ, что и геніальные люди могутъ обладать такими качествами, какими надѣлены душевно-больные.

Вѣдь и геніальность сама по себѣ есть такая же фикція, какъ и душевное здоровье. Понятіе о геніальности содержитъ въ себѣ представленіе о чрезвычайно богато развитой психической жизни, гдѣ всѣ составляющія ее сферы въ своемъ развитіи достигаютъ полной гармоніи. Сфера интеллекта, сфера воли при своемъ богатствѣ содержанія здѣсь не должны развиваться на счетъ этическихъ чувствованій—въ ущербъ нравственной сферѣ. Истинный геній долженъ быть также высоко нравственнымъ, какъ и богато развитымъ въ интеллектуальномъ отношеніи.

Но въ дѣйствительной жизни подобнаго рода явленій не существуетъ. Обыкновенно и у геніальныхъ людей можно бываетъ подмѣтить извѣстныя отклоненія, которыя составляютъ явленія дефекта въ развитіи психической личности. И богатство развитія ума въ ущербъ развитію нравственности и обратно—явленіе весьма частое. Какъ бы высоко ни ставить величіе замысловъ Петра Великаго, Наполеона и другихъ все же приходится указать въ ихъ характерѣ нѣкоторыя черты свойственныя тому или другому душевному недугу.

Но болѣе частое явленіе—это проявленіе геніальности только въ одномъ извѣстномъ направленіи, богатство содержанія только въ одной опредѣленной области душевной жизни. Въ этомъ случаѣ дефекты въ остальной психической жизни выступать съ особенной яркостью.

Поразительные примѣры въ этомъ отношеніи даютъ артисты, художники, поэты—вообще люди, гдѣ геніальность проявляется подѣ вліяніемъ рѣзкой возбудимости въ сферѣ чувства. Впадая въ состояніе особаго экстаза при созданіи своихъ художественныхъ произведеній, подобнаго рода люди склонны также впадать и въ различнаго рода аффекты, рѣзко вліяющіе на всю ихъ психическую личность.

Наконецъ приходится встрѣчаться съ такими явленіями, гдѣ богатство развитія проявляется въ чрезвычайно небольшой области душевной жизни. Эта область можетъ ограничиваться только весьма малымъ кругомъ представленій и рѣзко выдѣляться на фонѣ полнаго убожества остальной душевной жизни.

Какъ на примѣръ подобнаго рода „частичныхъ геніевъ“ можно указать на лицъ съ необыкновенными математическими способностями, проявляющимися въ чрезвычайной быстротѣ производства операций съ числами: „вы задали имъ задачу—помножить одно многозначное число на другое—и они говорятъ вамъ результатъ скорѣе, чѣмъ вы напишите задачу, какъ будто въ ихъ головѣ существуетъ машина, которая производитъ помноженіе“. *И это явленіе приходится наблюдать какъ разъ у лицъ малоумныхъ, не знающихъ обычныхъ правилъ умноженія* ¹⁾.

Постараемся теперь дать общій обликъ людей, которыхъ психіатрическая наука ставитъ ниже нормы, установленной для современнаго культурнаго человѣка, людей съ дефектами въ развитіи психической личности, людей *дегенеративныхъ*.

Для многихъ подобныя личности представляются непонятными, поражая парадоксальностью своей натуры. Способные, подчасъ даже талантливые въ одномъ направленіи эти люди удивляютъ своею тупостью по отношенію къ другимъ категоріямъ явленій интеллектуальной жизни. Не будучи въ состояніи

¹⁾ Проф. С. С. Корсаковъ. Курсъ психіатріи.

усвоить нѣкоторыхъ положеній своего противника они, присвоихъ спорахъ быстро перескакиваютъ съ одного предмета на другой, приводя доказательства, поражающія своей неожиданностью и нелѣпостью. Въ этой неправильности и непослѣдовательности хода ассоціацій они проявляютъ иногда положительно какое-то „бѣшенство мысли“.

Однако такое разстройство логического аппарата не составляетъ здѣсь общаго правила. Внѣшняя логика, теченіе ассоціацій можетъ быть послѣдовательнымъ и законосообразнымъ. Но при этомъ рѣзко выступаетъ поразительно малое количество представленій, постоянно входящихъ въ сознаніе этихъ людей. Особенностью будетъ то, что эти представленія относятся исключительно къ собственной личности, исключительно къ „я“ этого субъекта. Съ тѣми представленіями, которыя выходятъ изъ этого круга и не имѣютъ прямого отношенія къ его личности, онъ не считается и не находитъ нужнымъ считаться. *Подобные люди слишкомъ любятъ говорить о себѣ.*

Но особенно рѣзкія измѣненія у такихъ субъектовъ существуютъ въ сферѣ чувствованій. Особенность въ этомъ отношеніи будетъ заключаться въ томъ, что у нихъ, не смотря на весь ихъ внѣшній лоскъ, высшія чувствованія иногда совершенно отсутствуютъ или поразительно мало развиты по сравненію съ низшими. Для подобнаго рода личностей тѣ наслажденія, которыя можетъ доставить наука и искусство, совершенно недоступны. Даже тѣ, которые посвятили себя спеціально искусству, сплошь и рядомъ обнаруживаютъ положительную тупость ко всему тому, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ ихъ профессіи и, казалось, должно бы служить источникомъ вдохновенія. Часто художникъ, принадлежащій къ этой категоріи людей, остается нечувствительнымъ къ красотамъ природы и предпочитаетъ имъ продолжительный сонъ и сытную ѣду. Тѣ наслажденія, которыя получаются изъ религіознаго созерцанія, а также изъ возможности дѣлать ближнимъ добро, для нихъ непонятны. Эти люди, хотя и считаютъ себя въ высокой степени рели-

гіозными, однако не способны принять нравственныхъ началъ религіи, довольствуясь самымъ строгимъ соблюденіемъ внѣшней обрядности. Къ страданіямъ другихъ людей они совершенно не чувствительны. Обнаруживая нечувствительность по отношенію другихъ, они однако проявляютъ рѣзкое повышеніе чувствительности ко всему, что затрогиваетъ ихъ личные интересы. Разъ они получаютъ отъ кого-либо обиду, они не знаютъ предѣловъ своей скорби. Аффекты гнѣва, тоски и отчаянія здѣсь проявляются съ особенной силой.

При этомъ своеобразная черта въ ихъ повышенной чувствительности заключается въ томъ, что поводы къ взрыву ихъ чувства часто служатъ явленія, сами по себѣ незначительныя. Нечувствительные къ истиннымъ несчастіямъ, они способны проливать слезы надъ несчастіями героевъ сантиментальныхъ романовъ.

На этой же почвѣ у нихъ иногда проявляется черезмѣрно сильная любовь къ животнымъ и растеніямъ. *Morel* описалъ одного финансиста, который обнаружилъ безумное отчаяніе по поводу смерти одной изъ многочисленныхъ лягушекъ, содержащихся въ прудѣ его парка.

Въ противоположность мало развитымъ высшимъ чувствованіямъ у такихъ субъектовъ рѣзко выражены низшія чувствованія. Стремленіе къ обжорству и пьянству часто у нихъ стоитъ на первомъ планѣ. Но особенно рѣзко у нихъ выступаетъ половое чувство. Достигая рѣзкой степени и принимая подчасъ самыя уродливыя, отвратительныя формы, оно выступаетъ съ особенной яркостью на контрастномъ фонѣ сильной набожности, религіозности.

Въ волевой дѣятельности такихъ людей нужно отмѣтить черезмѣрную самоувѣренность. Увѣренные всегда въ правотѣ своихъ дѣйствій они съ чрезвычайнымъ упорствомъ стремятся съ достиженію намѣченной цѣли. При этомъ, встрѣчаясь на пути своемъ съ противникомъ, они не вступаютъ въ борьбу открыто. Нѣтъ, коварство, клевета и лицемеріе—вотъ тѣ

способы, съ помощью которыхъ они надѣются одержать побѣду.

Сильно преувеличивая собственные достоинства, они всегда проявляютъ непомѣрное тщеславіе, гордость и чувство превосходства надъ остальными людьми.

Обнаруживая упорство воли по отношенію къ однимъ категоріямъ явленій, они проявляютъ дефекты воли по отношенію къ другимъ. Такъ они совершенно теряютъ самообладаніе, не будучи въ состояніи преодолѣть чувство страха передъ грозой, страха смерти и т. п.

У нихъ развито большое количество навязчивыхъ мыслей, отъ которыхъ они не въ состояніи отдѣлаться. Большинство этихъ мыслей опять-таки вращается около личности субъекта: ихъ преслѣдуетъ мысль — захворать какимъ-либо тѣлеснымъ или душевнымъ недугомъ; у нихъ масса суевѣрій, не подчиняться которымъ они не могутъ, опасаясь навлечь на себя то или другое несчастіе. Помимо навязчивыхъ идей они обнаруживаютъ и навязчивые поступки. Склонность къ всевозможнымъ актамъ жестокости и насилія служить проявленіемъ ихъ непреодолимаго влеченія дѣлать зло.

Нелѣпность навязчивыхъ идей и поступковъ можетъ сознаваться такими людьми. Въ такомъ случаѣ они могутъ раскаиваться въ причиненіи зла, указывая, что они сами не знаютъ, какъ это могло случиться. Въ большинствѣ же случаевъ они не сознаютъ ни нелѣпности, ни безнравственности своихъ дѣйствій и всю силу своей логики употребляютъ на то, чтобы оправдать и осмыслить свои поступки. Въ этомъ рѣзкомъ несоотвѣтствіи логики словъ съ нелѣпностью поступковъ проявляется яркая особенность подобныхъ личностей. Французскіе психіатры отмѣтили это состояніе даже особымъ наименованіемъ *folie des actes* — сумашествіе въ поступкахъ, причисляя его къ резонирующему помѣшательству.

На почвѣ развитія непреодолимыхъ влеченій у такихъ субъектовъ обнаруживается сильная наклонность во чтобы то ни стало выдвинуть свою личность, заинтересовать собою

другихъ людей, представившись въ болѣе выгодномъ для себя свѣтѣ; они часто симулируютъ дружбу, прямоту и открытость характера.

Склонность къ притворству иногда выступаетъ съ особенной яркостью и въ стремленіи симулировать различнаго рода тѣлесныя болѣзни, а также душевное разстройство. Подобная склонность можетъ быть, такъ сказать, безкорыстной. Такіе люди могутъ наносить себѣ тяжелыя поврежденія, прибѣгать къ средствамъ, приносящимъ явный ущербъ ихъ здоровью, съ тою лишь цѣлью, чтобы въ стремленіи вызвать къ себѣ интересъ получить болѣе поразительный эффектъ. Но тамъ, гдѣ симуляціей можно достигнуть опредѣленной цѣли, такой субъектъ не приминетъ воспользоваться этимъ свойствомъ своей натуры.

Вотъ въ общихъ чертахъ личность субъектовъ, отмѣченныхъ печатью вырожденія.

Нельзя однако упускать изъ виду, что каждый изъ указанныхъ признаковъ въ отдѣльности самъ по себѣ не имѣетъ рѣшающаго значенія. Извѣстную навязчивость мыслей, навязчивость стремленій можетъ открыть въ себѣ каждый, однако еще никто не вправѣ причислить его къ душевно-больнымъ. Точно также и симуляція душевнаго заболѣванія, развѣ она имѣетъ опредѣленную цѣль, не можетъ сама по себѣ еще служить указаніемъ на патологическую натуру. Д-ръ Говсѣевъ ¹⁾ вопреки утвержденіямъ Kraft-Ebing'a отмѣчаетъ, что къ симуляціи душевныхъ болѣзней иногда прибѣгали и прибѣгаютъ вполнѣ здоровые люди по мотивамъ, которые ничего патологическаго въ себѣ не заключаютъ.

Для того, чтобы признать субъекта патологическимъ, психіатрическая наука требуетъ точнаго анализа всѣхъ сторонъ его душевной жизни, при которомъ уклоненія отъ извѣстной

¹⁾ Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ 1893 г.

нормы являлись бы не единичными и выдѣлялись съ особенной яркостью, рѣзко вліяя на всю психическую личность.

Попробуемъ же теперь согласно съ требованіями науки проанализировать личность героя разсказа „Мысль“. Разберемъ всѣ сферы его душевной дѣятельности и выдѣлимъ отклоненія отъ извѣстной нормы въ сторону плюса и минуса, чтобы дать заключеніе, что изъ себя представляетъ д-ръ Керженцевъ въ эволюціи человѣческой личности.

Фабула этого, вѣроятно, всѣмъ извѣстнаго разсказа очень несложна.

Докторъ Керженцевъ дѣлаетъ предложеніе героинѣ разсказа Татьянѣ Николаевнѣ и въ отвѣтъ на свое объясненіе замѣчаетъ на губахъ ея смѣхъ. Это послужило поводомъ къ развитію послѣдующей драмы.

Докторъ Керженцевъ, надѣясь, что Татьяна Николаевна, отвергнувъ его, не можетъ быть счастлива въ бракѣ съ его пріателемъ — Савелевымъ, устраиваетъ этотъ бракъ, думая здѣсь найти удовлетвореніе своему оскорбленному чувству. Но оказалось, что Татьяна Николаевна полюбила своего мужа и была съ нимъ счастлива. Тогда Керженцевъ задумываетъ разрушить это счастье убійствомъ Савелова и для осуществленія своего плана прикидывается сумасшедшимъ. Это ему удается; онъ совершаетъ убійство. Но послѣ этого впадаетъ въ страшное двойственное состояніе при мысли, не былъ-ли онъ на самомъ дѣлѣ сумасшедшимъ, думая только о притворствѣ. Начавъ доказывать себѣ, что здѣсь сумасшествія не было, онъ заключалъ, что онъ сумасшедшій, а доказывая обратное, приходилъ къ противоположному результату. Керженцевъ былъ подвергнутъ психіатрической экспертизѣ, но на судѣ вопросъ о его психическомъ здоровьѣ опредѣленнаго рѣшенія не получилъ. Мнѣнія четырехъ экспертовъ по этому вопросу раздѣлились поровну, а самый разсказъ заканчивается тѣмъ, что присяжные засѣдатели удалились въ комнату совѣщаній.

Анализируя личность Керженцева, остановимся прежде всего на интеллектуальной сферѣ его душевной дѣятельности.

Разсказъ ведется отъ имени самаго героя, который не скупится на похвалы себѣ относительно собственнаго ума, относительно мощи собственной мысли: „развѣ я не чувствовалъ своей мысли, говорить онъ, твердой, свѣтлой, точно выкованный изъ стали и безусловно мнѣ послушной? Словно остро отточенная рапира она извивалась, жалила, кусала, раздѣляла ткани событій, точно змѣя безшумно вползала въ невѣданныя и мрачныя глубины, что на вѣки скрыты отъ дневнаго свѣта, а рукоять ея была въ моей рукѣ, желѣзной рукѣ искуснаго и опытнаго фехтовальщика. Какъ она была послушна, исполнительна и быстра моя мысль и какъ я любилъ ее, мою рабу, мою грозную силу, мое единственное сокровище!..... и я наслаждался своею мыслью. Невинная въ своей красотѣ она отдавалась мнѣ со страстью, какъ любовница, служила мнѣ какъ раба и поддерживала меня какъ другъ..... Я и моя мысль, мы словно играли съ жизнью и смертью и высоко, высоко парили надъ нами“.....

Приведенныя цитаты несомнѣнно рассчитаны на опредѣленный эффектъ. Своей образностью и вычурностью выражений онѣ должны возбудить въ читателѣ соотвѣтствующее чувство восхищенія и такимъ путемъ достигнуть вѣры въ могучесть мысли Керженцева. Но если отнестись къ этому спокойно, то нельзя не видѣть, что особенной глубины ума въ приведенныхъ выраженіяхъ не видно. Вѣдь никто находящійся въ спокойномъ состояніи не будетъ думать, что чело-вѣческая мысль можетъ отдаваться со страстью какъ любовница, можетъ какъ змѣя вползать въ „невѣдомыя“ и „мрачныя глубины“, что она „невинна въ своей красотѣ“.

Вся эта образность и вычурность можетъ свидѣтельствовать только о чрезвычайно повышенной чувствительности Керженцева. Онъ приходитъ въ полный экстазъ при мысли о собственной мысли. Но здѣсь чувство восхищенія остается только чувствомъ, и въ дальнѣйшемъ оно смѣняется противоположными ощущеніями. Керженцевъ впадаетъ въ аффектъ отчаянія и ужаса, когда послѣ убійства убѣждается, что не

можетъ найти поддержки и успокоенія въ своей мысли. Она „въ этомъ измѣнила“ ему „подло, коварно, какъ измѣняютъ женщины, холопы и мысли. Подлая мысль измѣнила тому, кто такъ вѣрилъ въ нее и любилъ“.

Разъ это такъ, то это можетъ говорить не въ пользу стойкости ума, который самъ Керженцевъ считаетъ „холоднымъ, разсудочнымъ“. Наоборотъ это свидѣтельствуеетъ о слабости интеллекта, о его способности поддаваться настроенію. Его мысль потому и „лжива“, что является продуктомъ его измѣнчиваго настроенія.

Въ качествѣ доказательства своей интеллектуальной силы Керженцевъ приводитъ свою способность рѣшать шахматныя задачи. „Если-бы я не былъ врагомъ всякой публичности и продолжалъ участвовать въ состязаніяхъ, Ласкеру пришлось бы уступить насѣженное мѣсто“ съ гордостью заявляетъ онъ. Но мы уже видѣли при указаніи на „частичныхъ геніевъ“, что подобнаго рода способность можетъ быть и у весьма ограниченныхъ субъектовъ.

Далѣе Керженцевъ постоянно указываетъ на свою любовь къ книгамъ и предметамъ искусства. Но онъ нигдѣ не выказываетъ еще своей учености. Онъ только отмѣчаетъ свою способность перевоплощаться въ героевъ синтетическихъ романовъ, какъ „Хижина дяди Тома“. Онъ это называетъ „дивнымъ свойствомъ изощреннаго культурою ума“. На самомъ же дѣлѣ въ этомъ опять-таки можно только видѣть чувствительность, сантиментальность Керженцева. Какъ справедливо по этому поводу указываетъ критикъ Русскаго Вѣстника¹⁾ любой школьникъ легко и цѣликомъ перевоплощается въ Робинзона въ героевъ Майнъ-Рида и Купера.

Наконецъ свой планъ убійства онъ считаетъ „необычнымъ, оригинальнымъ, смѣлымъ по дерзости и разумнымъ съ точки зрѣнія поставленной цѣли“.

¹⁾ П. Скифъ. «Литературное обозрѣніе». Русскій Вѣстникъ. Августъ 1902 г.

Но врядъ-ли со всѣмъ этимъ можно согласиться.

Его нельзя назвать необычнымъ и оригинальнымъ потому, что симуляція душевнаго заболѣванія—явленіе нерѣдкое въ судебно-психіатрической практикѣ. Оригинальнымъ его нельзя считать уже потому, что д-ръ Керженцевъ изобрѣтаетъ его не самъ, а заимствуетъ изъ газетнаго извѣстія о подобномъ же случаѣ.

Удачное выполненіе задуманнаго плана, какъ признать и самъ Керженцевъ, у него было гарантировано весьма малымъ знакомствомъ публики съ душевнымъ заболѣваніемъ, такъ что смѣлымъ въ этомъ отношеніи его планъ считаться не можетъ. „Грозная опасность его опыта“ — шутить съ сумасшествіемъ, какъ съ огнемъ, не имѣетъ подъ собою реальной почвы. Французскій психіатръ Parant¹⁾ заявляетъ, что изъ собранной имъ богатой казуистики онъ не нашелъ ни одного случая, который свидѣтельствовалъ бы о возможности перехода притворства въ дѣйствительное помѣшательство. Напротивъ, случаевъ длительной симуляціи, оставшейся безъ замѣтнаго вліянія на здоровье симулянтовъ, очень много.

Планъ Керженцева нельзя назвать смѣлымъ и по тѣмъ нравственнымъ мотивамъ, которые руководили имъ: прикинуться больнымъ, возбудить къ себѣ состраданіе и затѣмъ убить человѣка, который не подозрѣваетъ никакого обмана— врядъ-ли это можетъ доказывать большую храбрость.

Что-же касается до разумности его плана съ точки зрѣнія поставленной цѣли, то это представляется полнымъ абсурдомъ. Керженцевъ разумную цѣль видитъ въ томъ, что убійствомъ Савелова онъ хотѣлъ попытать свои силы. Онъ „стремился достигнуть одного изъ полюсовъ въ нравственной жизни“, и въ этомъ онъ видитъ полную аналогію со стремленіями Нансена.

Но брать въ примѣръ человѣка, который, рискуя своей жизнью, стремился открыть истину, чтобы возвѣстить о ней

¹⁾ Цит. по Говсѣву.

человѣчеству, въ данномъ случаѣ невозможно. Большой разумъ врядъ-ли можно найти въ стремленіи убить человѣка только для опыта, для пробы собственныхъ силъ.

Такимъ образомъ нельзя принять ни одного доказательства самаго Керженцева въ пользу его могучей мысли. Изъ приведеннаго можно только усмотрѣть рѣзко выдѣляющуюся способность Керженцева къ софистикѣ, къ резонерству. Но въ своихъ образныхъ разсужденіяхъ онъ старается скрыть другіе мотивы его поступковъ, о которыхъ онъ самъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ проговаривается и которые ясно вытекаютъ изъ его нравственного облика, поражающаго своимъ уродствомъ.

Будучи еще ребенкомъ онъ испыталъ сильный ужасъ, когда узналъ, что его отцу грозила потеря всего состоянія. Онъ не могъ себѣ представить, что онъ долженъ былъ бы работать, „безъ гнѣва не могъ подумать, чтобы кто-либо могъ его заставить дѣлать то, чего онъ не хочетъ“.

Но этотъ ужасъ былъ только одну минуту, а въ слѣдующую онъ уже себя успокоилъ тѣмъ, что такіе, какъ онъ, не бываютъ бѣдны, и совершенно серьезно заявилъ:

— За меня, папаша, не безпокойся я убью Ротшильда или ограблю банкъ.—И это заявленіе вполне правдиво, оно указываетъ на то, что понятіе о безнравственности преступленія для Керженцева недоступно. Онъ могъ совершить преступленіе только ради самаго преступленія, исключительно по свойству своей натуры. Такъ будучи студентомъ онъ укралъ 15 рублей изъ довѣренныхъ товарищескихъ денегъ. Въ данномъ случаѣ у него существуетъ сознаніе, что, „это было больше, чѣмъ простая кража, когда нуждающійся крадетъ у богатаго—тутъ и нарушенное довѣріе, и отнятіе денегъ именно у голоднаго, да еще товарища, да еще студента и при томъ человѣкомъ со средствами“, онъ понимаетъ, что, вѣроятно, всѣмъ другимъ этотъ поступокъ покажется отвратительнымъ, но самъ онъ лишень этого чувства: ему „было весело, что онъ сумѣлъ сдѣлать это такъ хорошо и ловко, и онъ

смѣло глядѣлъ въ глаза тѣмъ, кому смѣло и свободно лгалъ“. Но болѣе всего онъ гордился тѣмъ, что не испыталъ угрызений совѣсти и съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ мену ненужно—роскошнаго обѣда, который задалъ себѣ на украденныя деньги и съ аппетитомъ съѣлъ.

Доказательствомъ тупости его нравственнаго чувства можетъ служить также другой фактъ, о которомъ Керженцевъ вспоминаетъ съ неподдѣльнымъ восхищеніемъ и который до нѣкоторой степени указываетъ на извращеніе его полового чувства—это разсказъ о любовномъ свиданіи съ горничной Катей, которая была одновременно любовницей его и его отца. Въ ту ночь, когда трупъ отца находился въ залѣ, онъ отправился въ комнату Кати. Она была недалеко отъ залы, и въ ней явственно слышно было чтеніе дьячка. Онъ съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаетъ то чувство, которое онъ тогда испытывалъ. Оно было такое, какъ будто онъ однимъ поступкомъ нарушалъ законы божескіе и человѣческіе. Но онъ справился съ собою и „когда вошелъ къ Катѣ, то былъ готовъ къ поцѣлуямъ, какъ Ромео“.

Въ этомъ своемъ поступкѣ Керженцевъ видитъ доказательство своей безпримѣрной смѣлости.

Однако читая объ этомъ безнравственномъ эпизодѣ невольно подозрѣваешь, что здѣсь были другіе мотивы, чѣмъ желаніе показать свою храбрость.

По всей своей обстановкѣ такое любовное приключеніе напоминаетъ любовныя оргіи, совершаемыя на кладбищахъ, на трупахъ при ужасающихъ атрибутахъ и свидѣтельствующія о рѣзкихъ уродствахъ въ области половыхъ чувствованій и влеченій.

При такой своей нравственной тупости Керженцевъ въ то же время обнаруживаетъ и повышенную чувствительность, выражающуюся въ сентиментальности. Мы уже видѣли, какъ онъ плакалъ надъ бѣдствіями героев „Хижина дяди Тома“. Съ характеромъ той же сентиментальности у него проявлялась любовь къ дѣтямъ „къ совсѣмъ маленькимъ дѣтямъ,

когда они бывают похожи на щенятъ, котятъ и змѣншей“. „Даже змѣи въ дѣтствѣ бываютъ привлекательны!“ мечтательно восклицаетъ онъ.

Весьма характернымъ является его разсказъ о сценѣ маленькой дѣвочки съ собачкой. „Крохотная дѣвочка въ ватномъ пальтецѣ и капюшовѣ, изъ подъ котораго только и видны были розовыя щечки и носикъ, хотѣла подойти къ совсѣмъ уже крохотной собачонкѣ на тонкихъ ножкахъ, съ тоненькой мордочкой и трусливо зажатымъ между ногами хвостомъ. И вдругъ ей стало страшно, она повернулась и, какъ маленькій бѣлый клубочекъ, покатила къ туть же стоявшей нянѣ и молча, безъ слезъ и крика, спрятала лицо у нея въ колѣнахъ. А крохотная собаченка ласково моргала и пугливо поджимала хвостъ, и лицо у няни было такое доброе, простое“. Характернымъ здѣсь является то, что эта умильная картина постоянно вспоминается Керженцеву именно въ то время, когда онъ обдумываетъ планъ убійства человѣка для пробы собственныхъ силъ.

Такая любовь къ животнымъ, а также къ дѣтямъ, которыхъ Керженцевъ приравниваетъ къ звѣреньямъ, какъ мы видѣли, составляетъ своеобразную особенность психопатическихъ натуръ.

Однако Керженцевъ со свойственной ему наклонностью къ резонёрству старается представить видѣнную сцену въ особенномъ видѣ. „И то, что объ онѣ, и дѣвочка и собаченка“, говоритъ онъ, „были такія маленькія и милыя, и что онѣ смѣшно боялись другъ друга, и то, что солнце такъ тепло свѣтило—все это было такъ просто и такъ полно кроткой и глубокой мудростью, будто здѣсь именно, въ этой группѣ заключается разгадка бытія. Такое было *чувство*. И я сказалъ себѣ: надо объ этомъ, какъ слѣдуетъ, подумать, но такъ и не подумалъ“.

Но разъ это было только чувство, то рѣшать загадку бытія путемъ размышленія о видѣнной картинѣ онъ конечно не могъ и далѣе онъ вполне резонно заявляетъ, что самъ

не знаетъ, „зачѣмъ разсказаль эту смѣшную, ненужную исторію“.

Во взятой здѣсь выдержкѣ можно отмѣтить еще своеобразную особенность Керженцева усматривать въ самыхъ простыхъ вещахъ особенный, сокровенный смыслъ. Такая „аллегоризація“, присущая психопатическимъ натурамъ, благодаря ихъ свойству разсматривать вещи сообразно со своимъ настроеніемъ, сказалась у него и въ другомъ мѣстѣ—это въ разсказѣ о больничной сидѣлкѣ Машѣ. Онъ считаетъ ее сумасшедшею. Почему?

„Приглянитесь къ ея походкѣ“, говоритъ онъ, „безшумной, скользящей, немного пугливой и удивительно осторожной и ловкой, точно она ходитъ между невидимыми обнаженными мечами. Всмотритесь въ ея лицо, но сдѣлайте это какъ-нибудь незамѣтно для нея, чтобы она не знала о вашемъ присутствіи. Когда приходитъ кто-нибудь изъ васъ, лицо Маши становится серьезнымъ, важнымъ, но снисходительно улыбающимся—какъ разъ то выраженіе, которое въ этотъ моментъ господствуетъ на вашемъ лицѣ. Дѣло въ томъ, что Маша обладаетъ странною и многозначительною способностью произвольно отражать на своемъ лицѣ выраженіе всѣхъ другихъ лицъ.“

Иногда она смотритъ на меня и улыбается. Этакая блѣдная, отраженная словно чужая улыбка. И я догадываюсь, что я улыбался, когда она взглянула на меня. Иногда лицо Маши становится страдальческимъ, угрюмымъ; брови сходятся къ переносью, углы рта опускаются; все лицо старѣетъ на десятокъ лѣтъ и темнѣетъ,—вѣроятно таково-же иногда мое лицо. Случается, что я ее пугаю своимъ взглядомъ. Вы знаете, какъ страненъ и немного страшенъ взглядъ всякаго глубоко задумывавшагося человѣка. И глаза Маши расширяются, зрачекъ темнѣетъ и, слегка поднявъ руки, она безшумно идетъ ко мнѣ и что-нибудь со мной дѣлаетъ, дружеское и неожиданное: приглаживаетъ мнѣ волосы или поправляетъ халатъ“..... „Когда она одна, на лицѣ ея странно

отсутствует всякое выражение. Оно блѣдно красиво и загадочно, какъ лицо мертвеца. Крикнешь ей, Маша!— она быстро обернется, улыбнется своею нѣжною и пугливою улыбкой и спросить:

— Вамъ подать что-нибудь?

Она всегда что-нибудь подаетъ, принимаетъ и если ей нечего подавать, принимать и убирать, видимо беспокоится. И всегда она безшумная. Я ни разу не замѣчалъ, чтобы она что-нибудь уронила или стукнула. Я пробывалъ говорить съ нею о жизни, и она странно равнодушна ко всему, даже къ убійствамъ, пожарамъ и всякому другому ужасу, который такъ дѣйствуетъ на мало развитыхъ людей.

— Вы понимаете: ихъ убиваютъ, ранятъ, и у нихъ остаются маленькія голодные дѣти,—говорилъ я ей про войну.

— Да, понимаю—отвѣтила она и задумчиво спросила:— вамъ не дать-ли молока, вы сегодня мало кушали“.

Во всей этой цитатѣ врядъ-ли однако можно видѣть сумасшествіе Маши. Приведенное мѣсто напротивъ отмѣчаетъ въ Машѣ весьма цѣнныя достоинства какъ больничной сидѣлки, весьма опытной и наблюдательной: она услужлива, исполнительна, тиха и, что особенно цѣнно, способна въ нужный моментъ отвлечь вниманіе больного отъ его внутренняго міра. Она всегда дѣлала „что-нибудь дружеское и неожиданное“ для Керженцева, когда пугалась его задумчиваго вида. Она несомнѣнно смотрѣла на него какъ на больного, и его разговоры объ ужасахъ войны перерывала какимъ-нибудь неожиданнымъ вопросомъ. Въ этомъ отношеніи она была на высотѣ своего положенія, когда остановила Керженцева отъ попытки удавиться полотенцемъ. Керженцевъ справедливо указываетъ, что онъ могъ убить ее въ тотъ моментъ „такъ какъ мы были только вдвоемъ и еслибъ она крикнула илихватила за руку.... но она ничего этого не сдѣлала. Она только сказала:—Не надо голубчикъ“.

Въ этомъ эпизодѣ какъ разъ сказалась замѣчательная опытность и тактъ въ обращеніи съ больнымъ. Маша отлично

знала какой эффектъ производить въ подобныхъ случаяхъ спокойствіе и какое-нибудь самое незначительное слово. Но докторъ Керженцевъ уяснить себѣ этого не могъ; онъ не могъ понять „той удивительной силы, которая заключена въ словѣ: не надо“ и онъ заключаетъ свой разсказъ восклицаніемъ: „положительно она сумасшедшая“. Это онъ утверждаетъ на основаніи только своего настроенія. Это ему кажется.

Считается только со своимъ собственнымъ настроеніемъ, выставлѣть на видъ только свои несчастья и пренебрегать несчастьями другихъ— эта особенность Керженцева рѣзко сказалось въ его отношеніи къ женѣ убитаго имъ товарища.

„Оставимъ въ покоѣ мертвецовъ, говоритъ онъ. Алексѣй убитъ; онъ давно уже началъ разлагаться, его нѣтъ—чортъ съ нимъ!... Въ положеніи мертвецовъ есть кое-что пріятное. Не будемъ говорить и о Татьянѣ Николаевнѣ. Она несчастна, и я охотно присоединяюсь къ общимъ сожалѣніямъ, *но что значитъ это несчастье, всѣ несчастья въ міръ въ сравненіи съ тѣмъ, что переживаю сейчасъ я, д-ръ Керженцевъ.* Мало-ли женъ на свѣтѣ теряютъ любимыхъ мужей и мало-ли онѣ будутъ ихъ терять? *Оставимъ ихъ; пусть плачутъ*“. Такъ относится д-ръ Керженцевъ къ ужасному несчастію женщины, о любви къ которой онъ постоянно говоритъ.

Но прослѣдимъ возникновеніе его мысли объ убійствѣ и рассмотримъ самый фактъ преступленія, чтобы уяснить истинный характеръ мотивовъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ Керженцевъ.

Керженцевъ былъ обиженъ смѣхомъ Татьяны Николаевны и не столько ея смѣхомъ (это ей можно бы простить, признается онъ) сколько тѣмъ, *что и онъ тоже улыбнулся.*

Вотъ эта его улыбка и послужила причиной всего дальнѣйшаго. Желая отомстить за себя, онъ старается устроить бракъ Татьяны Николаевны со своимъ пріятелемъ Савеловымъ, котораго онъ считаетъ полнымъ ничтожествомъ. Онъ рассчитываетъ, что Татьяна Николаевна, узнавши ближе своего мужа, будетъ несчастна тѣмъ, что отвергла его—доктора Керженцева. Подобный планъ мести оказался однако совершенно

несостоятельнымъ. Татьяна Николаевна полюбила своего мужа, не видѣла или, какъ думаетъ Керженцевъ, не хотѣла видѣть недостатковъ Савелова, на которые онъ ей указавалъ. „Такимъ образомъ Татьяна Николаевна, сознается онъ, еще разъ заставила меня ошибиться, и это всегда злило меня“.

Изъ приведеннаго ясно вытекаетъ, что въ данномъ случаѣ Керженцевымъ руководятъ исключительно эгоистическія побужденія—его всего охватываетъ чувство оскорбленнаго самолюбія и побуждаетъ, во чтобы то ни стало, сдѣлать зло.

Желая дать почувствовать Татьянѣ Николаевнѣ свое могущество и величіе, Керженцевъ задумываетъ, убійство ея мужа. Когда такая мысль пришла ему впервые, онъ не помнитъ. „Какъ-то незамѣтно она явилась и уже съ первой минуты стала такой старой, какъ-будто онъ съ нею родился“.

Такого рода указаніе самаго Керженцева свидѣтельствуется, что мысль объ убійствѣ у него зародилась ниже порога сознанія, гдѣ-то въ тайникахъ его безсознательной душевной дѣятельности. Она явилась, очевидно, результатомъ пробужденія его дурно направленныхъ инстинктовъ. Появившись въ полѣ сознанія уже въ готовой формѣ, она сдѣлалась *фиксированной* идеей и подчинила себѣ всю его психическую личность.

Придумывая способы совершенія убійства, Керженцевъ останавливается на симуляціи душевнаго разстройства въ цѣляхъ безнаказанности своего преступленія. Мысль о симуляціи у него явилась также въ готовомъ видѣ: онъ случайно прочиталъ въ газетѣ о подобномъ же случаѣ. Эту *именно, случайность* въ возникновеніи мысли, „т. е. нѣчто внѣшнее, не зависящее отъ воли“. Керженцевъ особенно подчеркиваетъ, указывая, что это „внѣшнее“ послужило основой и поводомъ для дальнѣйшаго. Въ этомъ указаніи можно видѣть характерный признакъ для *навязчивой идеи*, т. е. идеи, которая ощущается субъектомъ, какъ нѣчто, вторгнувшееся въ поле сознаніе откуда-то изъ-внѣ.

Удачное выполненіе этой идеи для Керженцева было легко, такъ какъ наклонность къ притворству онъ отмѣчаетъ

у себя и раньше; еще въ гимназіи онъ часто симулировалъ дружбу: ходилъ по корридору обнявшись, какъ это дѣлаютъ настоящіе друзья, искусно поддѣлывалъ дружески откровенную рѣчь и незамѣтно выпытывалъ.

Такіе свои поступки Керженцевъ объясняетъ сознательнымъ желаніемъ самосовершенствованія. „Чѣмъ больше я лгалъ людямъ—говорить онъ—тѣмъ безпощадно правдивѣе становился передъ самимъ собой—достоинство, которымъ не многіе могутъ похвалиться“.

Но поставивъ эти факты въ связь съ тѣмъ, что мы уже указали въ Керженцевѣ, нужно притти къ заключенію, что самуляція была свойствомъ его натуры—она была безсознательнымъ *навязчивымъ стремленіемъ*, какое бываетъ у психопатическихъ личностей.

Охваченный идеей задуманнаго преступленія, руководимый свойственнымъ своей натурѣ стремленіемъ къ симуляціи, Керженцевъ совершаетъ убійство.

Описаніе всѣхъ малѣйшихъ деталей задуманнаго плана, точная и психологически вѣрная передача ощущеній, возникшихъ при исполненіи его, свидѣлствуютъ о томъ, что въ этомъ направленіи мысль Керженцева была ясна; сознаніе его не было затемнено ни на минуту.

Но ясность сознанія, работавшаго только въ одномъ направленіи, не противорѣчитъ однако тому, чтобы признать здѣсь патологическую основу. Навязчивыя идеи и вытекающіе изъ нихъ поступки обладаютъ какъ разъ отличительнымъ признакомъ—*существовать при наличности сознанія*. Такъ было и здѣсь. Керженцевъ, дѣйствуя подъ вліяніемъ навязчивой идеи, сознанія не теряетъ, напротивъ его напряженное нервное состояніе способствуетъ ему запомнить всѣ моменты его поведенія.

Послѣ совершенія убійства Керженцевъ чувствуетъ себя утомленнымъ, „какъ актеръ послѣ блестяще сыгранной роли“. Ему хотѣлось спать.

И вотъ во время такого просоночнаго состоянія, явившагося реакціей послѣ нервнаго подъема, „лѣниво“, какъ онъ

выражается, вошла новая для него мысль. „Лѣниво вошла и остановилась“. Какъ на своеобразную особенность этой мысли Керженцевъ указываетъ, что она была въ третьемъ лицѣ:

„А весьма возможно, что докторъ Керженцевъ дѣйствительно сумасшедшій. Онъ думалъ что онъ притворяется, а онъ дѣйствительно сумасшедшій. И сейчасъ сумасшедшій“.

Сначала Керженцевъ подумалъ, что это было сказано кѣмъ-то другимъ. Онъ подумалъ, что это сказала его экономка Марья Васильевна; потомъ подумалъ на убитаго Алексѣя и наконецъ понялъ, что это подумалъ онъ. Въ дальнѣйшимъ мы видимъ весьма образное описаніе тѣхъ мыслей, которыя онъ ясно *слышалъ*, но „не зналъ, откуда исходить ихъ чудовищный голосъ“. Его мысль „кричала откуда-то снизу, сверху, съ боковъ, гдѣ онъ не могъ не увидѣть её, ни поймать: *„Ты думалъ, что ты притворяешься, а ты былъ сумасшедшимъ. Ты маленькій, ты злой, ты глупый, ты докторъ Керженцевъ. Какой-то докторъ Керженцевъ, сумасшедшій докторъ Керженцевъ“.*

И въ то же время Керженцевъ сознавалъ, что это была тѣмъ не менѣе *его мысль*.

Такого рода явленіе, когда субъекту ясно чуждятся голоса, при чемъ у него остается сознаніе, что эти голоса идутъ къ нему не извнѣ, а находятся внутри его, составляя продуктъ его собственной психической дѣятельности, извѣстно въ психіатріи подъ названіемъ *ложныхъ галлюцинацій или псевдогаллюцинацій*.

Весьма точное и правильное описаніе псевдогаллюцинацій мы какъ разъ и встрѣчаемъ въ разбираемомъ разсказѣ. Появленіе псевдо-галлюцинацій уже указываетъ на болѣе рѣзкое расстройство психической дѣятельности. И мы видимъ, что Керженцевъ при появленіи „новыхъ“ его мыслей *падаетъ въ безсознательное состояніе*. Онъ помнитъ только о томъ въ ужасѣ, который охватилъ его. Въ дальнѣйшемъ у него существуетъ пробѣлъ въ сознаніи: *„Я подошелъ къ зеркалу..... Потомъ я ничего не помню до тѣхъ поръ, пока при-*

шла судебная власть и полиція. Я спросилъ, который часъ, и мнѣ сказали девять. И я долго не могъ понять, что со времени моего возвращенія домой прошло только два часа, а съ момента убійства Алексѣя около трехъ“.

Очевидно, что Керженцевъ впалъ въ состояніе патологическаго аффекта ужаса и отчаянія съ рѣзкимъ двигательнымъ возбужденіемъ. На это указываетъ его свидѣтельство, что при арестѣ его нашли въ ужасномъ видѣ: взлхмоченнаго, въ разорванномъ платьѣ, блѣднаго и страшнаго. Онъ разорвалъ на себѣ платье и разбилъ зеркало. Въ дальнѣйшемъ поведеніи Керженцева мы видимъ постоянныя указанія на появленіе у него взрывовъ тоски, отчаянія и ужаса, вызвавшихъ даже попытку къ самоубійству.

Вотъ въ главнѣйшихъ чертахъ все, что слѣдуетъ отмѣтить для обрисовки личности Керженцева. Въ деталяхъ эта личность выступаетъ еще ярче. Но уже приведенное является достаточно характернымъ.

Въ сферѣ ума мы у Керженцева замѣчаемъ рѣзкое стремленіе къ резонёрству. Весь его умъ, вся его логика направлены исключительно къ оправданію его чувствъ и побужденій. Такимъ образомъ мысль его не представляетъ собою продуктъ ума „холоднаго и разсудочнаго“, какъ думаетъ самъ Керженцевъ. Она не является продуктомъ „интеллекта не опирающагося на инстинкты, не питающагося ими, а существующаго за собственный страхъ и счетъ“, какъ это полагаетъ г. Невѣдомскій ¹⁾. Нѣтъ, какъ мы видѣли мысль Керженцева представляетъ собою результатъ настроенія.

Въ зависимости отъ настроенія она принимаетъ то или другое направленіе, представляясь „лживой“, измѣнчивой. Въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ признать, что она какъ разъ „опирается на инстинкты и питается ими“. Выводы этой мысли потому и плохи, что сами инстинкты Керженцева слишкомъ плохи и низменны.

¹⁾ Міръ Божій. Мартъ 1903 г.

Недостатокъ сознательнаго мышленія у Керженцева сказался въ появленіи псевдо-галлюцинацій. Какъ мы видѣли его „новая“ мысль: „А весьма возможно, что докторъ Керенцевъ дѣйствительно сумасшедшій“.... явилась у него помимо его воли. Эта мысль носить всѣ характерные признаки, данные докторомъ Кандинскимъ ¹⁾ для псевдо-галлюцинацій: 1) непрерывность характера явленія, его чувственная законченность: Керженцевъ самъ отмѣчаетъ ея „точность и ясность“; 2) произвольность, независимость ея отъ воли, 3) отсутствіе при ней ощущенія внутренней дѣятельности: Керженцевъ хотя и сознавалъ, что это была его мысль, но въ то же время это была „мысль бѣжавшая изъ его головы“, наконецъ 4) навязчивость этой мысли.

Въ сферѣ чувства мы у Керженцева встрѣчаемся съ рѣзкими дефектами въ области высшихъ, нравственныхъ чувствованій. Въ то же время у него рѣзко развиты низшія эгоистическія чувствованія въ смыслѣ чувства злобы и мстительности. На ряду съ пониженіемъ чувствительности по отношенію къ однимъ категоріямъ явленій мы встрѣчаемся у него съ рѣзкимъ повышеніемъ чувствительности—съ такъ называемой гиперѣстезіей чувства —по отношенію къ другимъ. Такъ мы видимъ у него примѣры восторженности съ оттѣнкомъ сентиментальности и взрывы аффектовъ тоски и отчаянія, принимающихъ патологическій характеръ. На почвѣ повышенной чувствительности къ впечатлѣніямъ касающимся собственнаго я, мы у него встрѣчаемся съ рѣзкой „переоцѣнкой личности“. Выдвиганіе собственной личности, постоянное указываніе на свои достоинства, свои стремленія, свои страданія и пренебрежительное отношеніе къ другимъ людямъ проходятъ яркой чертой черезъ весь рассказъ.

Въ сферѣ воли мы замѣчаемъ у Керженцева рѣзкую импульсивность, навязчивость мыслей и поступковъ. Въ то же время у него очень слабо развита способность побѣждать въ себѣ развитіе охватывающаго чувства.

¹⁾ Проф. Н. М. Поповъ. Лекціи по общей психопатологіи. Казань 1897 г.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемся здѣсь съ рѣзкими уродствами психической личности.

Цѣлый комплексъ этихъ уродствъ и ихъ яркость характеризуютъ Керженцева, какъ глубокаго дегенеранта. Для полной картины вырожденія авторомъ разсказа приводятся и данныя наслѣдственности: отецъ Керженцева — алкоголикъ, дядя сумасшедшій, сестра эпилептичка.

На этой почвѣ дегенераціи Керженцевъ не могъ культивировать ни одного здороваго ростка, чтобы возвыситься надъ остальными людьми, проявить геній человѣческаго духа. Не смотря на всѣ усилія доказать свое превосходство, онъ остается ниже посредственности.

А между тѣмъ у него существуютъ данныя, заставляющія дѣлать предположенія о томъ, чѣмъ бы онъ могъ быть при извѣстныхъ условіяхъ. Онъ могъ бы найти болѣе лучшее примѣненіе своей пылкости воображенія, фантазіи, своей способности поддаваться чувству, своей способности передавать въ яркихъ образахъ собственныя ощущенія, своей способности къ „перевоплощенію“ и притворству. Но онъ не сдѣлалъ этого. Повидмому дегенеративная почва сказалась и здѣсь. По крайней мѣрѣ по отношенію къ сценѣ мы встрѣчаемся у Керженцева съ характерными воззрѣніями. Онъ говоритъ: „когда то я подумывалъ даже о сценѣ, но бросилъ эту глупую мысль: когда всѣ знаютъ, что это притворство, уже теряетъ свою цѣну“. Слѣдовательно и здѣсь сказалась дегенеративная черта думать только о собственной личности. Онъ вовсе не думаетъ о задачахъ и цѣляхъ искусства; онъ видитъ наслажденіе только въ томъ, что искусственно можетъ обманывать другихъ, проводя ту или другую роль.

Въ качествѣ психіатра я не ставлю себѣ задачей сдѣлать оцѣнку личности Керженцева, какъ извѣстнаго литературнаго типа, но я долженъ отмѣтить въ немъ біологическое явленіе.

Встрѣчаясь съ такими личностями, какъ докторъ Керженцевъ, нельзя не видѣть, что подобное явленіе, не смотря

на свои яркія черты дегенераціи представляется очень сложнымъ. Такая личность не есть продуктъ вырожденія психической жизни въ самомъ зачаткѣ своего развитія—какъ мы видимъ при кретенизмѣ и идиотіи—это есть явленіе, которое встрѣчается какъ результатъ весьма высоко развитой дѣятельности человѣческаго духа. Но только на подобное явленіе слѣдуетъ смотрѣть какъ на продуктъ отброса въ развитіи психической личности. Такимъ образомъ докторъ Керженцевъ представляетъ собою явленіе, которое составляетъ результатъ уничтоженія равновѣсія духовныхъ силъ въ данной странѣ. „Статистическія данныя, говоритъ *Cullere*¹⁾, указываютъ на связь между количествомъ талантовъ данной мѣстности, количествомъ городского населенія и густотою всего населенія. Чѣмъ болѣе дѣятельна интеллектуально-соціальная жизнь въ странѣ, чѣмъ гуще населеніе, чѣмъ больше городовъ, т. е. центровъ, въ которыхъ проявляется болѣе сильная мозговая дѣятельность, тѣмъ болѣе въ данной мѣстности нарождается талантовъ и геніевъ. Статистика также показываетъ, что сумасшествіе и вырожденіе тѣмъ многочисленнѣе, чѣмъ значительнѣе въ народоселеніи умственное напряженіе. Такимъ образомъ, чѣмъ сильнѣе будетъ интеллектуальное напряженіе и возбужденіе между лицами одного поколѣнія, тѣмъ болѣе вѣроятности, что въ слѣдующемъ поколѣніи явятся выдающіяся способности, блестящіе умы, великіе таланты, но на ряду съ этимъ и люди неустойчивые, частичные геніи, психопаты, личности нервныя и вырождающіяся“.

Примѣняя эту точку зрѣнія къ данному случаю, мы можемъ видѣть, что разъ въ русской литературѣ появились такого рода типы, какъ докторъ Керженцевъ, типы, при всей своей сложности психической организаціи носящіе рѣзкіе признаки дегенераціи, то это показываетъ, что подоб-

¹⁾ Dr. Cullere. Границы сумасшествія. Перев. подъ редакціей проф. П. И. Ковалевскаго. Харьковъ 1889.

ные люди стали весьма часто встрѣчаться и среди русскаго общества. А это роковое явленіе, не смотря на свою неприглядность и нежелательность, указываетъ собою и другое, болѣе отрадное. Оно знаменуетъ, что духовныя силы нашей страны уже вступили на широкій путь прогресса. И если мы можемъ теперь уже гордиться тѣмъ, что дала Россія въ области науки поэзіи и искусства, то мы должны считаться и съ продуктомъ отброса въ развитіи психической личности. Разъ у насъ появились Пироговы, Лобачевскіе, Сѣченovy, Менделеевы, Мечниковы, цѣлая плеяда міровыхъ писателей, художниковъ и композиторовъ, то у насъ должны были появиться и Керженцевы.

Но конечно мы можемъ съ вѣрой глядѣть на будущее, зная непочатыя силы нашей страны и ожидать кромѣ Керженцевыхъ появленія и истинныхъ геніевъ во всѣхъ областяхъ человѣческаго духа.
